

Общій приговоръ обѣ исторической философіи «Войны и мира» можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Гр. Толстой реалистическую тенденцію своей поэзіи переносить въ область исторіи и исторической философіи, устряня изъ нихъ идеализацію и идеологію; но тамъ, гдѣ у него рѣчь идетъ о жизни общественной, а не личной, его покидаетъ идеализмъ, который онъ умѣеть сочетать со своимъ реализмомъ. Его идеализмъ чисто этическій, идеализмъ, такъ сказать, пра-веднаго житія, но не идеализмъ соціальный, не идеализмъ правильныхъ *формъ* общежитія внѣ того, что предписывается личною этикой. Эта односторонность его міросозерцанія коренится въ какомъ-то непониманіи общественной жизни, какъ таковой: то онъ объявляеть, что «настоящая» жизнь идетъ независимо отъ всевозможныхъ общественныхъ преобразованій: то утверждаетъ, что только преступникъ, одержимый страстью, знаетъ, въ чемъ заключается «*bien public*»; то иронизируетъ по поводу общественной дѣятельности выводимыхъ имъ на сцену лицъ; то развиваетъ мысль, что одна только безсознательная жизнь имѣеть смыслъ; то утверждаетъ, что въ исторіи общества все дѣлается само собою, и что исторические дѣятели суть только ярлыки событий; то разсуждаетъ о законѣ исторіи, который, какъ по предписанію, только и выполняютъ люди общественной дѣятельности. и т. п. Въ то самое время, какъ реализмъ выводить гр. Толстого на вѣрную дорогу, это непониманіе самостоятельнаго содержанія исторіи, ея соціологической стороны, сбиваетъ его на ложные пути, и его историческая философія представляеть изъ себя смѣсь удивительно вѣрныхъ и поразительно невѣрныхъ идей съ массою внутреннихъ противорѣчій, которыхъ объясняются и малой выработанно-